

РЕЛИГИОЗНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ (1920–1930 гг.)

Юдин Виктор Викторович

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия (г. Могилев, Беларусь)

Государство в 1920-е – 1930-е гг. последовательно осуществляло комплекс мер, ограничивающих экономическую и хозяйственную деятельность религиозных объединений, общин, церкви, минимизировало пропагандистские возможности священников, проповедников. Где удавалось, государство под-

держивало и культивировало раскол внутри церкви, как это было в Русской Православной Церкви.

Государство направляло на антирелигиозную деятельность огромные человеческие и материальные средства, однако большинство населения продолжало нуждаться в вере в Бога и никак не переходило на атеистические позиции в соответствии с программными документами партии. Постоянно контролировалась и эффективность всех составляющих антирелигиозной конфессиональной политики в СССР в целом и в отдельных его республиках, в том числе и в БССР. В своей антирелигиозной деятельности государство не могло не учитывать специфики БССР, которая является страной многонациональной и поликонфессиональной.

В конце 1920-х органы ОГПУ констатировали снижение уровня религиозности населения в целом и среди молодежи в частности: «В православную церковь молодежь ходит для времяпровождения», «...люди работают в дни церковных праздников, исповедь и причастие исполняются на 50%» [1, с. 231].

Кафедрой Марксизма-Ленинизма Белорусской Академии Наук в 1929–1930 г. было проведено социологическое исследование посвященное религиозности населения. По данным опроса в 1929 году верующих было 30%, опрос более чем трех тысяч респондентов в 1930 показал уже 26,7% верующих [2, с. 14]. Среди основных национальностей наименьшее количество верующих зафиксировано среди евреев – 23,6% от общего числа опрошенных. Среди поляков зафиксировано 44% верующих от общего числа опрошенных. Верующих среди белорусов и русских практически одинаково – по 28% [2, с. 20].

Атеистическая пропаганда, новая система образования, административный ресурс власти, закрытие и изъятие молитвенных домов, храмов, уголовные преследования священнослужителей привели к тому, что «атеизм практически и теоретически глубоко проник в среду простого народа, растет быстро, развивается молниеносно». Как отмечал, председатель Могилевского епархиального управления на съезде духовенства, который проходил в Орше в 1934 г.: «... не может не броситься в глаза отношение современного, особенно молодого, подрастающего поколения к делам веры. Вы теперь часто увидите полное равнодушие к вере, а нередко и ненависть к ней. Молитв не знают и потребности в молитве не ощущают. К таинствам исповеди и причащения не приступают. Других церковных установлений, как посты и прочее, не соблюдают. Богослужения почти не посещают...» [3, с. 236].

В 1937 г., когда началась очередная перепись населения, в переписной лист был включен вопрос о религиозной ориентации (в переписном листе под номером 5) и результаты переписи не показали полной атеизации взрослого населения СССР. Только 42 млн. или 43% взрослого населения признали себя неверующими [4, с. 100–101].

Перепись в целом прошла благополучно, при доброжелательном отношении населения, но вопросы – о религии, общественной группе и гражданстве – порой вызывали раздражение, даже страх. Во многих районах – Белоруссии, Узбекистане, Красноярском крае. Киевской, Свердловской, Московской областях и др. – поползли слухи, что верующих «будут обкладывать налогами»,

что тех, кто записался верующим, «должны забрать», что всех неверующих «выжгут фашисты, а война скоро будет», что «верующих выселят из района, а детей выбросят из школы». На вопрос 7 – «Гражданин какого государства?» – встречались ответы типа: «Гражданин Российской державы», «антисоветский элемент», «только не советского» [5, с. 7].

В Белоруссии, в Чечерском районе баптисты проводили агитацию против переписи, подобное отмечалось и в Полоцком районе. Переписчики, которые работали в БССР, столкнулись с разного рода слухами о том, что верующим будто бы будут «прикладывать печати», «верующих будут обкладывать налогами», «верующих будут судить», «неверующим ставить клеймо». В Лепельском районе 200–250 евангелистов дали обет молчания. В Вегольском районе говорили, что «всех, кто записывался верующими должны забрать» [4, с. 97].

Некоторых районах люди «решили, что перепись выявляет сколько религиозных и наверняка будут открывать церковь» [6, с. 68]. В это же время со стороны некоторых священников была развернута агитация, чтобы люди писались верующими, чтобы открыли церковь и вернули священнослужителя. В некоторых колхозах число записавшихся верующими доходило до 90–95% при предварительном заполнении бланков. В Заславльском районе работники райкома вынуждены были провести агитацию на местах, после чего многие переписали себя в «неверующие» [4, с. 97].

Ходили также слухи, что, если записаться единоличником, то «будут высылать», некоторые колхозники спешили подать заявления о выходе из колхоза: «Если перепишут в колхозе, там и навек придется остаться, лучше выйдем, и будем умирать». Единоличники в некоторых районах закрывали избы и не пускали счетчиков. В Мстиславском районе Белорусской ССР единоличник отказался от переписи, четыре раза не пускал в дом счетчиков. «Когда пришли к нему, дом был заперт. Выломали окно и нашли пять спрятавшихся единоличников». Хозяина дома арестовали, а остальные согласились переписаться [5, с. 7].

В Крупском, Узденском, Плещеничском районах боялись, что ночь переписи будет Варфоломеевской ночью, думали, что обложат верующих налогами, что не станут продавать хлеба, вышлют в специальную республику. В отдельных колхозах говорили, что после переписи через 15 дней будет конец света и все неверующих направят в ад [4, с. 98].

В течение 20 лет прошедших после 1917 г. разворачивается культурная революция, частью которой стала активная антирелигиозная пропаганда. В ходе проведения культурной революции, власть постепенно переходит к преимущественно административным методам ликвидации религии, предпочтя их методам массовой пропаганды, «массовой, разъяснительной работы» и инициативе «сознательного» активного населения на местах. Административная борьба с религией загоняла религиозность населения в «подполье». Мы можем сказать, что развернувшееся индустриальное строительство приводило к сокращению численности религиозных общин, т.к. требовались рабочие руки и началась усиленная внутренняя миграция населения в 1920-е – 1930-е гг. Утрата прежних социальных связей приводила к снижению религиозности. Однако

население Белоруссии в целом сохранило религиозные настроения, даже, несмотря на то, что закрывались храмы и молельные дома. Данные исследований, которые проводились в 1929–1930 гг. показали, что более трети населения республики верующие. Перепись населения 1937 г. добавила новые факты о религиозных настроениях и показала, что граждане страны в большинстве своем не утратили еще связи с религией.

Наблюдается противоречие с одной стороны репрессивная политика государства в отношении религии и церкви, с другой сохранение религией значительного влияния на общество. В 30-е гг. религия постепенно переходит на «нелегальное положение».

Литература

1. Опиок Т.В. Об использовании властями обновленческого раскола в Русской Православной Церкви для ослабления ее влияния в БССР в 1920-е гг. / Т.В. Опиок // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: М.А. Можейко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2012. – С. 227–232.
2. Вольфсон С.Я. Сучасная рэлігійнасць / С.Я. Вольфсон. – Менск : Выд-не БАН, 1930. – 120 с.
3. Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. – Минск : Беларусь, 1964. – 272 с.
4. Жиромская В.Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М. : Наука, 1996. – 152 с.
5. Поляков Ю.А., Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) / Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев // Социс. – 1990. – № 6. – С. 3–25.
6. Поляков Ю.А., Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) / Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев // Социс. – 1990. – № 7. – С. 50–70.